

Вирджиния Вулф

КАК ЧИТАТЬ КНИГИ?

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 82.09
ББК 83.3
В 88

Virginia Woolf V.
HOW SHOULD ONE READ A BOOK?

Перевод с английского и примечания
Натали Игоревны Рейнгольд,
профессора Российского государственного
гуманитарного университета

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-27074-9

© Н. И. Рейнгольд, перевод, примечания, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

СВОЯ КОМНАТА

Глава 1

«При чем здесь своя комната? — спросите вы. — Мы же просили рассказать о женщинах и литературе». Я попытаюсь объяснить. Когда мне предложили выступить с темой «Женщины и литература»¹, я села у реки и задумалась, что понимать под этими словами. Несколько замечаний о Фанни Бёрни и о Джейн Остен, дань уважения сестрам Бронте и история заснеженного Хоурта, пара остроумных высказываний о мисс Митфорд, почтительный намек на Джордж Элиот, ссылка на госпожу Гаскелл² — и вопрос исчерпан? Но если вдуматься, проблема женщин и литературы куда сложнее. Под ней можно понимать, как вы, наверное, и предполагали, разные вещи: какие они, женщины, или о чем они пишут, или что пишут о них, или же все эти три вопроса хитро переплетены и вы ждете от меня разбора темы во всей полноте. Последний путь казался самым заманчивым, и я уже было задумалась над ним — но тут мне открылась непреодолимая пропасть. Идя этим путем, я никогда не смогу прийти к окончательному выводу. Не смогу исполнить первую обязанность лектора — вручить вам драгоценный слиток истины, который вы унесли бы в своих блокнотах и положили навсегда на мрамор камина. Я могу только высказать свое мнение об одной стороне дела: у каждой женщины, если она со-

бирается писать, должны быть средства и своя комната — но и это, как вы убедитесь, не ответ на фундаментальный вопрос об истинной природе женщин и сути литературы. Я так и не пришла к окончательному выводу — женщины и литература остаются у меня по-прежнему открытой проблемой. Но, чтобы как-то оправдать ваши ожидания, я постараюсь показать вам, что привело меня к этому мнению о своей комнате и деньгах. Проведу вас без утайки по всему лабиринту моей мысли. И может быть, когда раскроются стоящие за этим мнением идеи и предрассудки, вы решите, что не так уж они далеки от женщин и литературы. В спорных вопросах — а проблемы пола все таковы — в одиночку не найти истины. Можно только показать, как сложилось собственное мнение. И пусть слушатели сами делают выводы, подмечая за оратором его непоследовательность, его пристрастия, слабинки. Вымысел в этом случае может оказаться ближе к правде, чем факт. Поэтому я и хочу воспользоваться правами и всей свободой романиста и рассказать, как незадолго до прихода сюда я мучилась два дня поставленным вопросом, поворачивая его так и эдак в свете будней. Нужно ли говорить, что описанного ниже нет на самом деле, Оксбридж и Фернхем³ — выдумка, как и «Я» — безымянное, вымышленное лицо. С моих губ то и дело будут срываться небылицы, но в них может оказаться и доля правды: вы сами найдете ее и решите, стоит ли из нее что-то оставить. Если нет — вы просто бросите все в мусорную корзину и забудете.

Итак, неделю или две назад ясным октябрём сидела я в раздумье у реки (кто «Я» — не важно, зовите меня Мери Бетон, Мери Сетон, Мери Кармайкл⁴ или как

угодно). Проклятый вопрос, на который я должна ответить, — женщины и литература, этот объект столкновения людских предубеждений и страстей, притянул, словно хомут, мою голову к земле. Справа и слева от меня жгуче пламенели багрянцем и золотом какие-то кусты. На дальнем берегу застыли в вечном плаче ивы, распустив волосы. Река своевольно отражала что-то от неба, и моста, и горящего дерева, а когда по отражениям прогреб в лодке студент-выпускник, воды сомкнулись, словно никого и не было... Там, на берегу, любой сидел бы себе целый день и думал. А дума (хотя это слишком громко сказано) уже забросила свою ниточку в струю. Долго качалась туда и сюда среди отражений и водорослей, всплывая и снова уходя под воду, как вдруг... знаете легкий толчок, внезапность блеснувшей мысли? И затем осторожное извлечение ее на свет и придирчивый осмотр? Увы, при свете дня она оказалась пустяком, мелочью — хороший рыбак такую не возьмет, а пустит обратно в воду, чтоб нагуляла вес. Сейчас я вас не буду беспокоить этой мыслью, но если вы приглядитесь, то сами выудите ее из рассказа.

При всей малости в ней было что-то таинственное — стоило ей вернуться в свою стихию, как она вмиг стала значительной, захватывающей, устремилась вперед, ушла вглубь, сверкнула там и здесь — в общем, подняла во мне такую бурю идей, что не усидеть. И в следующую минуту я уже стремительно шла через газон. Незамедлительно навстречу мне поднялась мужская фигура. Правда, вначале я не поняла, к кому обращены жесты куляции курьезного субъекта в визитке и фрачной рубашке. Его лицо выражало ужас и возмущение. И тут во мне сработал инстинкт: он же педель⁵, а я женщина.

Здесь трава, там дорожка. По лужайкам разрешается гулять членам Университетского совета, мне же — исключительно по дорожке. Эти мысли пронеслись в голове в одну секунду. Я вернулась назад — педель сразу опустил руки, лицо его приняло обычное скучающее выражение, и, хотя по траве ходится лучше, чем по гравии, лужайка почти не пострадала. Одно жаль: защищая свой клочок травы, который, кстати, холят уже три столетия подряд, университетские мужи расстроили мне рыбалку.

Сейчас уже не вспомнить, повинуюсь какой мысли, я шагнула на газон. На меня вдруг сошел благодатью дух умиротворения, обитающий исключительно на четырехугольных дворах Оксбриджа в ясные октябрьские утра. Среди этих древних университетских стен шороховатости жизни как бы сглаживаются. Тело словно упрятано в чудесный звуконепроницаемый футлярчик из стекла, и освобожденная от постороннего вмешательства фактов мысль вольна предаться любой игре, созвучной настроению (пока кого-нибудь опять не занесет на газон). В памяти всплыло старинное эссе о том, как кто-то давно (уж не Чарлз ли Лэм?) посетил в каникулы Оксбридж⁶. «Святой Чарлз», — говорил Теккерей, благоговейно поднося ко лбу его письмо. В самом деле, среди мертвых (я передаю мысли, как они приходили мне в голову) Лэм — один из самых близких, любой захочет спросить его: как же вы писали свои эссе? С ними не сравнятся даже безупречные бирбомовские⁷, а все из-за бешеного фейерверка фантазии, тех гениальных озарений Лэма, которые светом поэзии наполняют его, пусть в чем-то несовершенные, эссе. Лэм приезжал в Оксбридж сто лет назад. И точно написал эссе — не

помню названия — о рукописи одного стихотворения Милтона, которую увидел там в библиотеке. Кажется, это был «Ликид»⁸, и Лэм писал, какой священный ужас вызывала у него мысль, что в рукописи этого бессмертного творения могли сначала стоять другие слова. Ему казалось святотатством представить Милтона за правкой этого стихотворения. От нечего делать я попробовала вспомнить что-нибудь из «Ликида» — интересно, какое слово мог бы переправить Милтон и почему? Но зачем гадать? Рукопись, которую держал в руках Лэм, всего в нескольких ярдах от меня; можно спокойно пройти по его следам через двор к библиотеке, где хранится это сокровище. Кстати, там же, вспомнила я, осуществляя свой план, и рукопись теккереевского «Эсмонда»⁹. Критики часто говорят, что «Эсмонд» — его лучший роман. Но по-моему, претенциозность стиля, подражание манере восемнадцатого века затрудняют читателя, хотя, возможно, для Теккереев стиль восемнадцатого века естествен — просто нужно взять его рукопись и посмотреть, стилиевые там поправки или смысловые. Только прежде надо решить, что такое стиль и что такое смысл... впрочем, я уже у двери в знаменитую библиотеку. Видимо, я машинально ее открыла, потому что в ту же секунду передо мной возник, словно ангел-хранитель, преграждая путь взмахами черной мантии, добренький седой старичок: выпроваживая меня, он ласково объяснял, что дамы в библиотеку допускаются только в обществе члена Университетского совета или с рекомендательным письмом.

Для знаменитой библиотеки пустой звук, что какая-то женщина послала ее к черту. Спокойная за свои сокровища, надежно спрятанные в подземельях, она бла-

годушно спит и с этой минуты заснула для меня навсегда. Ноги моей здесь больше не будет, сердито клялась я, сходя с крыльца. И все же еще целый час до завтрака и чем заняться? Гулять? Сидеть у реки? Нет ничего проще: все то же чудесное осеннее утро, листья падают красными перышками на землю. Но тут я услышала музыку. Видно, в часовне¹⁰ начиналась служба или какая-то церемония. Когда я подошла, орган многоголосо взывал, но в ясном воздухе даже многовековая скорбь христианства растворялась воспоминанием, — казалось, и древний инструмент вздыхает как-то умиротворенно. Входить в часовню не хотелось: здесь тоже мог остановиться служака, прося показать свидетельство о крещении или рекомендацию декана. И потом, фасады этих грандиозных построек не менее великолепны, чем их интерьеры. Да и занятно понаблюдать за прихожанами, как они собираются, входят, выходят, хлопчут у двери часовни, точно пчелы перед летком улья. Многие в мантиях и шапочках, кое-кто с кисточками. Некоторые в инвалидных колясках, другие — помоложе — уже сплюснуты и втиснуты в формы настолько редкостные, что невольно вспоминались гигантские крабы и лангусты, с трудом передвигающиеся по дну аквариума. Я прислонилась к стене — университет и в самом деле казался заповедником редких экземпляров, которые давно вымерли бы, оставь их бороться за жизнь на общей мели. Вспомнились старые истории о деканах, о профессоре, который, услышав свист, моментально переходил на галоп... и мне страшно захотелось засвистеть, но только я собралась с духом, как почтенная паства скрылась за дверями старой часовни. Теперь постройка была видна мне вся. Вы знаете — ее освещенные ночью купола

и башни стоят над холмами, точно мачты застывшего парусника. Когда-то на месте этого четырехугольного двора с ровными клумбами, монолитными зданиями и часовней было болото, заросшее травой, изрытое кабанями. Потом из дальних графств потянулись воловььи и лошадиные упряжки со строительным камнем, и затем эти серые блоки, в тени которых я сейчас стояла, начали устанавливать с великим тщанием один на другой. Художники изготовили стекло для окон, и вот уже наверху застучали мастерками, засновали с цементом и замазкой каменщики. Каждую субботу чья-то рука, наверное, отсыпала им в истертые ладони серебро и золото из кожаного кошелька — должны же они были вечером иметь свои пиво и кости. В этот двор нескончаемым потоком сыпалось золото, подумала я, чтобы камень подвозили без задержки, чтобы строители работали: ровняли, окапывали, рыли и осушали. То был век веры, и денег на закладку прочного фундамента не жалели, и, когда наконец стены были возведены, из кофров королей, королев, вельмож посыпалось еще больше золота — в этих стенах должны были петь гимны и изучать латынь. Короли жаловали земли, монастыри платили десятину. Потом век веры истек, наступил век разума, но поток золота и серебра не оскудел, стипендии и лектуры жаловались по-прежнему щедро. Только изливался весь этот блеск уже не из королевской казны, а из сундуков купцов и фабрикантов, из кошельков людей, которые, скажем, сколотили себе состояние в промышленности, а потом в своих завещаниях воздали сторицей родному университету за науку — новыми стипендиями, новыми кафедрами и лектурами. Отсюда библиотеки и лаборатории, обсерватории, велико-

лепные кабинеты с тончайшими дорогими приборами в стеклянных шкафах — хотя всего несколько веков назад на этом самом месте колыхалось море травы и рылись кабаны. Конечно, фундамент из золота и серебра выглядит внушительно, думала я, обходя университетский двор, из-под асфальта не видно дикой травы. По лестницам бегали мужчины с подносами. На окнах в ящиках рдели пышные цветы. Из внутренних комнат неслись звуки граммофона. Я подумала было... но тут пробили часы, и я потеряла свою мысль. Пора было идти завтракать.

Все же любопытно, как романисты всегда стараются внушить нам, будто главное на званом завтраке — чьи-то блестящие остроумия или умные речи. Редкий писатель обмолвится о еде. Такое впечатление, что они никогда не курили сигар, не пили вина и настолько привыкли к супу из семги и жаркому, что договорились не упоминать о них. Сегодня я нарушаю этот молчаливый договор и объявляю, что торжество началось с большого блюда морских языков под белоснежным покрывалом сливок, опаленным там и сям коричневыми пятнышками, как у пятнистого оленя. Затем подали куропаток, но, если при этом слове вам почудилась пара тощих пережаренных птиц на тарелке, вы ошиблись. Куропатки разных пород достойно шествовали, сопровождаемые свитой салатов, острых и сладких соусов, строго по этикету. Рассыпчатый картофель нарезан не толще монеты, сочные головки брюссельской капусты уложены розанчиками. И едва мы одолели жаркое с его пышной свитой, как вышколенный слуга — уж не двойник ли того педея? — поставил перед нами завернутое в салфетки сладкое: оно вскипало розовой глазурью. Назвать его

пудингом, поставив в один ряд с низкородными рисом и тапиокой, было бы оскорблением. Тем временем бокалы успели уже несколько раз вспыхнуть желтым, малиновым, осушиться и снова наполниться. И постепенно там, внутри, где у человека душа, затеплился свет — не напряженный, наэлектризованный блеск, а ровное, глубокое тепло духовного общения. Не надо горячиться, блистать. Быть собой — и только. Мы все на верху блаженства, и нам улыбается Ван Дейк — другими словами, жизнь кажется прекрасной, ее награды — чудесными, обиды и зависти — таким пустяком в сравнении с дружбой и человеческим общением, когда, закурив хорошую сигарету, откидываешься на мягкие подушки у окна.

К сожалению, под рукой не оказалось пепельницы и пришлось украдкой стряхивать пепел в окно — если бы не это маленькое обстоятельство, никто, наверное, не заметил бесхвостую кошку. Внезапное появление этого куцего зверька на университетской лужайке изменило разом мой праздничный настрой. Точно на все легла тень. Или отличное вино постепенно ослабляло чары? Не знаю, но, когда я увидела в центре газона застывшую бесхвостую кошку, будто о чем-то вопрошающую мир, я ощутила какую-то пустоту, потерю. Но с чего вдруг? — спросила я, прислушиваясь к разговору гостей. И чтобы ответить себе на этот вопрос, я должна была выйти мысленно из комнаты и вернуться в прошлое — в довоенные годы — и вспомнить атмосферу тех прошлых званных завтраков. Комнаты были вроде этих, но все остальное, казалось мне, было другим. Сейчас рядом со мной шумела молодая компания, мужчины, женщины, разговор шел гладко, свободно, как бы

шутя. Я невольно сравнивала сегодняшнюю беседу с теми довоенными встречами и в какую-то минуту решила, что мои сомнения напрасны: тот разговор и нынешний — родные братья. Все по-старому, только вот... и я стала напряженно вслушиваться в журчащий за словами поток. Да, вот оно, вот что изменилось. До войны на таких званных завтраках люди говорили вроде то же самое, но звучало это иначе из-за мелодичного, волнующего, невнятного напева, который был дороже любых слов. Можно ли его выразить? Думаю, что да — с помощью поэтов. Я открыла лежащую рядом книгу и случайно попала на Теннисона. Он пел:

С гелиотропа у ограды
Упала светлая слеза.
Ко мне, моя любовь, отрада.
Ко мне, мой день, моя судьба.
Роза кричит: «Она ближе, ближе»,
И плачет другая: «Ушла».
Шпорник кивает: «Я слышу, слышу»,
И лилия шепчет: «Сюда»¹¹.

Неужели мужчины напевали это на званных завтраках перед войной? А женщины?

Мое сердце ликует, как птица,
Что свила гнездо у стремнины.
Мое сердце, как яблоня, — низко
Клонит ветви с плодами литыми.
Мое сердце — как теплая раковина,
Что играет радугой в море.
Мое сердце — воля и радость
От любви, нахлынувшей полно¹².

Неужели женщины это напевали на званных завтраках перед войной?

Своя комната

Это показалось мне до того забавным, что я рассмеялась и, чтобы как-то объяснить свой смех, показала гостям на бесхвостую кошку за окном — бедняга и в самом деле выглядела нелепо. Она уродилась такой или это несчастный случай? На острове Мэн есть бесхвостые кошки, но они редкостней, чем мы думаем. Это странное животное, больше чудное, чем красивое. Все так удивительно, как много значит «хвостик» — слова, что люди говорят друг другу на прощание, одеваясь в передней.

В этот день завтрак у гостеприимных хозяев затянулся. Чудесный октябрьский день уже увядал, когда я шла по аллее к выходу. За моей спиной смыкались ворота, повсюду щелкали хорошо смазанные замки: педели прятали свою сокровищницу на ночь. Сразу за аллеей начинается дорога — если пойти по ней и не спутать поворот, попадешь в Фернхем. Впрочем, куда спешить, обед будет не раньше половины восьмого. Да и вряд ли захочется есть после такого сытного завтрака. А клочок поэзии все бьется в памяти, и ноги невольно попадают в такт. Душа моя пела:

С гелиотропа у ограды
Упала светлая слеза.
Ко мне, моя любовь, отрада¹³, —

подгоняя меня вперед. А потом в другом ритме, над бурными водами плотины:

Мое сердце ликует, как птица,
Что свила гнездо у стремнины.
Мое сердце, как яблоня, — низко...¹⁴

Какие поэты, вырвалось у меня в темноте, какие были поэты!

Обидевшись за наш век, я стала сравнивать, хотя это глупо и бессмысленно, прошлую поэзию с современной. Можно ли сегодня назвать двух поэтов, равных Теннисону и Кристине Россетти? Но их и сравнивать нельзя, отвечала я самой себе, глядя в водоворот плотины. Поэзия Россетти и Теннисона будит в нас такой порыв и восторг потому, что чувство, которое она празднует, знакомо каждому человеку (не по довоенным ли завтракам?). В нем не сомневаешься, его не сравниваешь со своими новыми впечатлениями. На такую поэзию откликаешься легко, привычно. И совершенно иное — у современных поэтов. Они как бы выхватывают у нас еще не остывшее чувство. Его трудно узнать, часто почему-то его пугаешься. Пристально следишь за ним, ревниво и недоверчиво сравниваешь со старым, знакомым. В этом трудность современной поэзии, из-за нее не вспомнить у хорошего поэта более двух строк... И из-за моей забывчивости вопрос повис в воздухе. И все же почему, настаивала я, шагая напрямик, мы больше не напеваем тихо на званых завтраках? Почему умолк Альфред:

Ко мне, моя любовь, отрада?¹⁵

И Кристина не отзывается:

Мое сердце — воля и радость
От любви, нахлынувшей полно?¹⁶

Обвинять ли войну? Пушки ударили в августе 1914-го — и лица мужчин и женщин предстали такими подурневшими в глазах друг друга, что романс оборвался? Конечно, было страшным ударом увидеть лица наших законодателей при свете рвущихся бомб, особенно женщинам

с их иллюзиями относительно культуры, цивилизованности и пр. Какими безобразными они показались — немцы, англичане, французы, какими тупыми! Но как бы то ни было, иллюзия, вдохновлявшая Теннисона и Кристину Россетти так страстно петь о любви, ныне редкость. Достаточно оглянуться вокруг, почитать, послушаться, вспомнить. Но зачем «обвинять», если то была иллюзия? Почему не оправдывать катастрофу, если она покончила с иллюзиями и установила истину? Ибо истина, подумала я, и... проскочила, в поисках истины, поворот на Фернхем. Нет, в самом деле, как отличить истину от иллюзии? — задавала я себе вопрос. Скажем, вон те дома — в сумерках праздничные, манят маяками окон, а наутро хозяева их, опухшие, неряшливые, копошатся за выпивкой и мелкой торговлей — какое из этих лиц истинное? А ивы, река, сады по берегам, вечерами серые, а на солнце золотые и багряные, — где тут истинное, где мнимое?.. Но я не буду утомлять вас рассказом о том, как петляла в потемках моя мысль: дорога эта не имела конца, и вскоре я поняла свою ошибку и вернулась к Фернхему.

Стоял, как я уже сказала, октябрь, и мне не к лицу менять время года и описывать сирень, шафран, тюльпаны и другие весенние цветы: так я рискую потерять ваше уважение и запятнать честное имя литературы. Все говорят, литература должна придерживаться фактов, и чем факты точнее, тем она правдивее. Поэтому пусть — стояла осень, и листья желтели и падали, разве чуть быстрее, чем раньше, наступил вечер (точнее, семь часов двадцать три минуты), и подул ветер (не какой-нибудь, а юго-западный). Но что-то странное творилось вокруг...

Вирджиния Вулф

Мое сердце ликует, как птица,
Что свила гнездо у стремнины.
Мое сердце, как яблоня, — низко
Клонит ветви с плодами литыми¹⁷.

Поэзия ли Кристины Россетти виновата в проделках фантазии (то, конечно же, фантазия) — но, когда я подошла к садовой ограде, за нею цвела сирень, мелькали бабочки-белянки и в воздухе пахло пылью. Дул ветер, из какой части света, не знаю, но он поднимал ранние листья, и те вспыхивали серебристо-серым. Был сумеречный час, когда цвета острее и пурпур и золото бьют в стекла окон ударами взволнованного сердца. Когда непонятно, почему красота мира, открывшаяся и уже обреченная (я вошла в сад: калитка настезь и вокруг ни педеля), — обреченная красота оттачивается смехом, оттачивается болью, разрывая сердце. Сады Фернхема лежали передо мной в весенних сумерках, дикие и просторные; в высокой траве будто разбрызганы, небрежно выплеснуты нарциссы и колокольчики: непокорные, как в лучшие свои часы, они волновались и бились под ветром, обнажая корни. Окна дома — крошечные иллюминаторы в толще красного кирпича — то желтели, то серебрились под быстро проплывавшими весенними тучами. Кто-то качался в гамаке — или мне только померещилось в сумраке? — кто-то рванулся по траве к дому — неужели некому остановить? И затем на террасе возникла — точно вырвалась глотнуть воздуху, взглянуть на сад — женская согнутая фигура, грозная и смиренная. Высокий лоб, изношенное платье — уже ли это она, знаменитый ученый, сама Дж. Х.?¹⁸ Все притихло и напряглось; казалось, газовый шарф лежавших

над садом сумерек разорвала, сверкнув, то ли звезда, то ли сабля — словно ударила какая-то жуткая реальность, предательски вывернувшаяся из самого сердца весны. Ибо юность...

«Ваш суп». Я сижу в столовой. Идет обед. Весна только померещилась, на самом деле октябрьский вечер. Всех собрали в огромном зале. Время обедать. Есть суп. Простой бульон. На нем не пофантазируешь. Можно, конечно, поискать рисунок на дне тарелки — налитая жидкость прозрачна как слеза. Но рисунка нет. Простая тарелка. Дальше говядина с картошкой и зеленью — вечная постная троица, напоминающая о говяжьих крестцах, грязном базарном прилавке, увядшей капуте, торговле из-за каждого пенса и женщинах с кошелками утром по понедельникам. Никто не ропщет, пища здоровая, всем хватает — у семей английских шахтеров наверняка и того нет. Дальше чернослив с драченой. Нет, все-таки есть на свете люди, способные расщедриться хотя бы на чернослив, пусть он и черств, и черен, как сердца скупцов, экономивших всю жизнь на вине и тепле камина и ни гроша не уступивших бедняку. Затем бисквиты и сыр, и по столу пошел гулять кувшин с водой: бисквиты вообще сухие, а эти были просто камень. Всё. Еда окончена. Отодвинули стулья, заходила взад и вперед турникетная дверь, и вот уже зал стоит чистенький, приготовленный для утренней трапезы.

По коридорам и лестницам колледжа, распевая и хлопая дверями, шла юность Англии. И поскольку я чужая в Фернхеме, как, впрочем, и в любом другом колледже, у меня язык не повернулся сказать Мери Сетон¹⁹ (мы

поднялись к ней в комнату): «Невкусный обед, почему было не пообедать здесь, одним?» Не пристало гостю копать в хозяйственных уловках этого приветливого, неунывающего дома. Нельзя обижать хозяев. И я замялась, разговор повис в воздухе. Таков человек — сердце, тело, мозг у него вперемешку, а не разложены по ящичкам, как, несомненно, будет через миллион лет, и потому без хорошего обеда разговор не клеится. Пообедал плохо — плохо думается, плохо любит, не спится. От говядины и чернослива в душе не затеплится свет. Мы *вроде бы* на вершине блаженства, и нам, *может быть*, улыбнется когда-нибудь Ван Дейк — неопределенные и несмелые мысли порождают съеденные на ночь чернослив с драченной. К счастью, у моей подруги, она естественник, была припасена бутылка вина (правда, неплохо было бы начать с морских языков и куропадок, но где они?!) — так что, устроившись с рюмкой у камина, можно отыграть за прожитый день. Через минуту мы уже порхали вокруг тех интересных тем, что приходят в голову за время отсутствия некоторых персон и, естественно, обсуждаются при встрече, — кто-то женился, кто-то нет, один думает так, другой иначе, один неузнаваемо переменялся к лучшему, другой на удивление испортился — со всеми вытекающими выводами о человеческой природе и нашем удивительном мире. Но скоро я смущенно заметила, что мысли мои бродят далеко, словно какой-то властный, могучий поток отвлекает меня от разговора. Испания, Португалия, книги, бега — все это было очень интересно, но меня задевала за живое только маленькая картина пятисотлетней давности: на крыше часовни копошатся камен-

Вулф В.

В 88 Как читать книги? : эссе / Вирджиния Вулф ; пер. с англ. Н. Рейнгольд. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-389-27074-9

Английская писательница Вирджиния Вулф (1882–1941) — одна из центральных фигур модернизма и признанный классик западно-европейской литературы XX века, ее имя занимает почетное место в ряду таких значительных современников, как Дж. Джойс, Т. С. Элиот, О. Хаксли, Д. Г. Лоуренс. Романы «Миссис Дэллоуэй», «На маяк», «Орландо» отличает неповторимый стиль, способный передать тончайшие оттенки психологических состояний и чувств, — стиль, обеспечивший Вирджинии Вулф признание в качестве одного из крупнейших мастеров психологической прозы.

Литературный экспериментатор, Вулф уделяет большое внимание осмыслению теоретических основ писательского мастерства вообще и собственного авангардного творчества в частности. В настоящее издание вошли ее знаменитые критические эссе, в том числе самое крупное и известное из них — «Своя комната», блестящее рассуждение о грандиозной роли повседневного быта в творческом процессе. В этом и других нехудожественных сочинениях Вирджинии Вулф и теперь поражают глубоко личный взгляд писательницы и поразительная свежесть ее рассуждений о природе литературного мастерства и читательского интереса.

УДК 82.09
ББК 83.3

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ
КАК ЧИТАТЬ КНИГИ?

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.11.2024.
Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,60. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-NFF-36074-01-R